КОРОЛЕВА ГОЛКОНДСКАЯ.

ПЕРЕВОДИЛЪ

съ Французскаго языка.

И. Р.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

1780 года.

Королева Голкондская.

Я былъ въ такихъ лѣтахъ, въ коихъ природа открываетъ первыя свои прiятности вновь начинающимся въ насъ чувствамъ нашимъ; въ которыхъ окружающiя насъ предмѣты новыя подаютъ намъ утѣшенiи; и въ коихъ чувствы будучи въ насъ живѣя, и воображенiе сильнѣя, заставляютъ насъ находить справедливыя желанiи въ прiятнѣйшихъ ме-

чтанïяхъ: однимъ словомъ, мнѣ было тогда отъ роду пятнатцать лѣтъ, какъ будучи отдаленъ отъ моего учителя, скакалъ я на большой Аглинской лошадѣ за дватцатью борзыми собаками, которыя гналися за старымъ кабаномъ; вы можете судить, былъ ли я тогда щастливъ! По прошествïи четырехъ часовъ сабаки мои потеряли кабана, а я потерялъ сабакъ моихъ. Упустивъ ихъ изъ виду, долго я скакалъ на лошадѣ моей; и какъ лошадь моя утомилась, то я сошелъ съ нее; мы оба съ ней валялися по травѣ, а потомъ лошадь моя начала есть траву, а я легъ спать.

Я позавтрикалъ хлѣба и холодной куропатки въ одной пре-

прекрасной долинѣ, окруженной двумя пригорками, украшенными зелеными деревьями. Въ дали представлялась глазамъ моимъ бѣдная хижина, въ низу одного холма построенная, отъ котораго общирный лугъ, богатыми жатвами и прїятными кусточками покрытой, отдѣлялъ меня.

Воздухъ тогда былъ чистъ, небо ясно, земля усѣяна была прелестнѣйшими розами, а солнце едва третїю часть обошло своего теченїя, и потому причиняло весма еще умѣренный жаръ, которой прїятнымъ дыханїемъ зефира былъ прохлаждаемъ.

Гдѣ суть тѣ любители природы, кои столь сладостно умѣютъ наслаждаться прїят-

нымъ времянемъ, и утѣшаться прелестными деревенскими предмѣтами? Для нихъ я дѣлаю сїе описанїе, ибо сїи предмѣты не столь тогда были для меня прїятны, сколько возхищался я зрѣнїемъ на молодую крестьянку въ корсетѣ и въ бѣлой юбкѣ: я видѣлъ ее въ дали, она имѣла у себя на головѣ горшокъ съ молокомъ. Узрѣвъ ее почувствовалъ я внутреннее движенїе; она проходила мимо одного ручья, и слѣдовала по тропинкѣ прямо ко мнѣ ведущей; по приближенїи ея ко мнѣ она весьма прекрасною мнѣ показалась, и я ни мало не примѣчая что въ сердцѣ моемъ тогда происходило, вставъ съ мѣста своего пошелъ къ ней на встрѣчу, и чемъ подходилъ къ ней ближе, тѣмъ казалася

она

она мнѣ прелестнѣя, и я съ нетерпѣливостію хотѣлъ къ ней приближиться. Всѣ въ свѣтѣ красоты были ничто въ сравненіи съ сею прекрасною молошницею, и никогда столь совершеннѣйшая прелесть не украшала вселенную. Я не зная, какой съ нею начать разговоръ, просилъ у ней пить молока ея, для утоленія моей жажды; потомъ здѣлалъ я ей нѣсколько вопросовъ о деревнѣ, о родственникахъ и о лѣтахъ ея; она отвѣтствовала мнѣ на все съ простосердечіемъ и съ пріятностію, и произносимыя ею слова умножали ея прѣлести.

Я узналъ отъ ней, что она была изъ той ближней хижины, и называлася Алиною; дражайшая моя Алина, говорилъ

рилъ я ей, я желалъ бы быть твоимъ братомъ (не то хотѣлъ было я сказать ей) а я желала бы быть твоею сестрою, отвѣтствовала она мнѣ; ахъ! такъ я по крайней мѣрѣ люблю тебя такъ, какъ сестру мою, говорилъ я ей ея обнимая: она хотѣла попрепятствовать моимъ ласкательствамъ, и въ семъ движенїи, которое она для того здѣлала, горшокъ съ головы ея упалъ, и молоко изъ него ручьями потекло по дорогѣ; она увидя то, начала плакать, и вырвавшись силою изъ рукъ моихъ, подняла съ земли свой горшокъ и хотѣла отъ меня удалиться, какъ вдругъ на пролитомъ молокѣ поскользнувшись ногами, упала она на землю; я хотѣлъ ее поддер-

держать, но уже было безполезно. Нѣкоторая невидимая сила возпрепятствовала мнѣ поднять ее, и принудила меня туда жъ за нею повалиться . . . Я имѣлъ отъ роду пятнатцать лѣтъ, а Алина четырнацать, и такъ въ таковыхъ нѣжныхъ лѣтахъ, и въ семъ уединенномъ мѣстѣ любовь насъ ожидала, дабы дать намъ первыя свои наставленiи и уроки. Благополучiе мое прежде было смущаемо слезами прекрасной Алины; но вскорѣ печаль ея уступила мѣсто сладчайшему услажденiю; и сiе услажденiе принудило ее такъ же пролить нѣсколко слезъ; но какiя жъ то были слезы! Тогда то позналъ я истинное блаженство, итѣмъ болѣя возхищался, что причинялъ

я услажденїе и той, которая была мила мнѣ.

Время для насъ тогда было не чувствително, но въ протчемъ имѣло обыкновенное свое теченїе; солнце уклоняясь къ горизонту, призывало пастуховъ къ шалашамъ, а овецъ ко клевамъ ихъ, и воздухъ наполнялся звукомъ пастушескихъ рожковъ, и пѣсней земледѣлцовъ къ покою возвращающихся. Время мнѣ итить, говорила мнѣ тогда Алина, матушка меня убьетъ; я какъ самъ почиталъ мать мою, то и не хотѣлъ отвращать ее отъ почтенїя къ своей матери: я лишилася молока ичести, примолвила она, но я тебя въ томъ прощаю . . . Я далъ ей не много денегъ, которыя я тогда имѣлъ

имѣлъ у себя, и золотое кольцо съ руки моей; она обѣщала мнѣ никогда не потерять его. Лицы наши, безпрестанно одно къ другому прилепленныя омочены были слезами, и при разлукѣ награждали мы другъ друга горячими поцалуями. Отпустивъ ее сѣлъ я на лошадь мою, и провождая столь далеко, колико было можно, глазами прекрасную мою Алину, учинилъ послѣднее прощанїе мѣстамъ посвященнымъ первымъ моимъ услажденїямъ, и возвратился въ замокъ отца моего, будучи въ великой досадѣ, что не былъ я простымъ крестьяниномъ, и не жилъ въ одной хижинѣ съ Алиною.

Я твердо вознамѣрился никогда не ѣздить на охоту

въ

вЪ другое мѣсто; кромѣ сего пріятнаго луга, и пощадить для прекрасной Алины всю дичину вЪ нашей провинціи; но сія столь лестная сердцу моему мысль вдругЪ изчезла какЪ сонЪ; ибо пріѣхавши услышелЪ я, что нѣкоторыя нечаянно полученныя отцомЪ моимЪ извѣстіи, принуждали его на завтрѣ ѣхать вЪ ПарижЪ. ОнЪ взялЪ меня сЪ собою, и я прощаясь сЪ матерію моею обнималЪ ее со слезами; но не обЪ н.й однако жЪ я тогда плакалЪ, а обЪ Алинѣ.

Время какЪ сталь такЪ и любовь снѣдаетЪ; я при отЪѣздѣ моемЪ вЪ ПарижЪ былЪ не утѣшенЪ, а пріѣхавЪ туда утѣшился; и по мѣрѣ стдаленія моего отЪ Алины, алина выхо-

выходила изъ памяти моей; радость вступить въ новый свѣтъ, заставляла меня позабывать о всѣхъ тѣхъ райскихъ услажденїяхъ, кои въ деревнѣ я оставилъ. Вѣтренность и честолюбїе заступили мѣсто любви въ сердцѣ моемъ. Я служилъ шесть трудныхъ кампанїевъ, въ которыхъ получилъ много ранъ, а мало награжденїя, и потомъ возвратился опять въ Парижъ, дабы тамъ во услугахъ красавицъ, наградить себя за тѣ труды, кои претерпѣлъ я служа моему отечеству.

Въ одинъ день выходя изъ оперы, случился я нечаянно подлѣ одной прекрасной женщины, которая дожидалась своей кареты; она поглядѣвъ на

на меня пристально, спросила у меня, узнаю ли я ее? я отвѣтствовалъ ей, что я имѣлъ честь въ первой разъ ее видѣть; посмотрите на меня хорошенко, говорила она, сей приказъ для меня не жестокъ сказалъ я ей, и само прѣлестное лицо ваше заставитъ меня здѣлать вамъ сїе послушанїе; но чѣмъ болѣе я на васъ гляжу, тѣмъ больше нахожу различїя, между тѣмъ что я видѣлъ до сихъ поръ ичто вижу теперя. И такъ когда черты лица моего не подаютъ вамъ способу обо мнѣ вспомнить, сказала она, то можетъ быть руки мои будутъ въ томъ щастливѣя: тогда снявъ съ руки своей перчатку, показала она мнѣ то кольцо, ко-

которое я далъ любезной моей Алинѣ; удивленіе лишило меня употребленія языка. Потомъ карета ее подъехала; она велѣла мнѣ сесть съ собою вмѣстѣ, и я занею послѣдовалъ.

Вотъ что тогда она мнѣ разказывала.

„ Вы можетъ быть еще помните о горшкѣ моемъ съ молокомъ, и о всемъ томъ, чего я тогда съ нимъ лишилась. Мать моя то скоро примѣтила, и выгнала меня изъ своего дому; я шедши въ ближней городъ питалася милостынею, въ городѣ одна старая женщина взяла меня къ себѣ; она назвалась моею теткою а я ея племянницею, она взяла на себя стараніе меня одѣть, и дѣлала мнѣ свои наставленіи,

я

я по приказанію ее часто твердила тѣ уроки, которыя ты на лугу задавалъ мнѣ, и какъ вскорѣ послѣ тебя на мѣстѣ твоемъ былъ у меня тамошней приходской попъ, то онъ и сталъ называтся отцомъ сыну твоему, и зделалъ его потомъ весьма изряднымъ пѣвчимъ. Тетка моя, надѣясь, что красота моя еще болѣе принесетъ ей прибыли въ большомъ городѣ, повезла меня въ Парижъ, гдѣ ходя по многимъ разнымъ рукамъ, досталася я одному старому президенту, которой по чину своему почитался первымъ человѣкомъ, а для любви былъ послѣднимъ; у него не много уже оставалося послѣ того, какъ отняли у него парикъ, епанчу,

чу, и записную его книжку, но и изъ немногова, любя меня до глупости, снабжалъ онъ довольно тетку мою и меня деньгами и каменьями. По смерти тетки моей я осталася въ имѣнїи ся наслѣдницею и имѣла у себя около дватцати тысячь ливровъ годоваго доходу, и множество наличныхъ денегъ. Сїе ремесло, въ коемъ я до того времяни упражнялась, находила я для себя скучнымъ, и захотѣла представить изъ себя честную женщину; за двѣ золотыя монѣты, данныя мною писателю родословныхъ, написана я была произходящею отъ знатнѣйшей фамилїи; сообщенїемъ моимъ съ учоными людьми получила я себѣ нѣкоторую похвалу, и приобрѣла

можетъ быть болѣе разуму; такъ что наконецъ одинъ знатной и богатой человѣкъ, имѣющей болѣе ста тысячь ливровъ годоваго доходу, вздумалъ, что онъ очень мало еще заплатитъ мнѣ за мою добродѣтель, ежели на мнѣ женится; и такъ теперь та бѣдная Алина, въ обществѣ уже называется Маркизшею Кастелмоншею; но для тебя, примолвила она, сія Маркизша кастелмонша хочетъ быть еще тою же Алиною.

Но кого ты болѣе всѣхъ любила, спросилъ я у ней, изъ всѣхъ тѣхъ, кои были тебѣ знакомы?,, Можешь ли у меня о семъ спрашивать? говорила она мнѣ, я была тогда проста, когда ты въ первой

вой разъ мѣня увиделъ, но не была уже болѣе таковою, когда съ другими я познакомилась; я начала дѣлать себѣ разныя украшенiи, но не была уже столь прекрасна, я имѣла нужду нравиться, но немогла любить; и какъ искуство всѣму врѣдитъ, то и румяны которыя на лицы свои мы накладываемъ, отнимаютъ живность природнаго румянца отъ щокъ нашихъ, и чувствы, кои мы притворно должны оказывать, простужаютъ сердце наше; и потому любила я только одного тебя; и хотя лѣгко быть можно вѣрнея меня, но не возможно никому быть меня не поколебимѣя, ибо мысль о томъ сладчайшемъ утѣщенiи, кото-

рое я съ тобою вкушала, все часно при дѣланіи мною тебѣ невѣрности воображенію моему представлялась, и почти всегда напояла ядомъ всю утѣху мою, но признаюсь однакожъ, что сія самая мысль, при всѣхъ невѣрныхъ моихъ дѣйствіяхъ, часъ отъ часу болѣе меня услаждала.

Я чрезвычайно радовался, нашедъ мою дражайшую Алину: мы обнимались съ ней съ такимъже возхищеніемъ, какъ и въ то щасливое время, въ которое уста наши не встрѣчалися еще ни съ какими другими устами, и когда наши сердца съ жаромъ соотвѣтствовали первымъ движеніямъ сластолюбія. Мы пріѣхали къ ней въ домъ, и я пробылъ у ней

до

до ужина, а какъ Маркизъ Ка стелмонъ былъ тогда въ отсудствіи, то я и послѣ всей компаніи у ней остался, и пользовался прежними моими правами; но любовь убѣгаетъ отъ позлащенныхъ Алкововъ и отъ великолѣпныхъ постелей; она лутче любитъ лѣтать по изпещреннымъ цвѣтами полямъ, и подъ тѣнію зеленыхъ рощей: и потому благополучіе мое хотя и было довольно ощутително, что проводилъ я ночь во объятіяхъ прекрасной женщины, однакожъ не называлася она, и не была тою прелестною и простосердечною Алиною.

О вы любовники! естьли вы хотите узнать любовь, или только одно сластолюбіе, то

не ходите искать щастїя вашего въ любви, съ министерскими писмами въ карманѣ, принуждающими васъ тотчасъ ѣхать въ армїю въ таковыхъ то обстоятельствахъ увидѣлъ я тогда госпожу Кастелмоншу; и многова чрезъ то лишился. Доколѣ обманчивой гласъ славы, принуждать насъ будетъ презирать сладчайшимъ покоемъ, и препятствовать нѣжнѣйшимъ забавамъ нашимъ, и доколѣ люди предпочитать будутъ бѣдственную войну прїятнѣйшей любови? Я тогда не дѣлалъ еще сихъ премудрыхъ размыленїевъ, и будучи брегадиромъ желалъ быть лутче Фелдмаршаломъ, нежели Филозофомъ; и такъ вышедъ изъ дому го

спожи

спожи Кастелмонши сѣлъ я въ почтовую коляску, и полѣтѣлъ со удовольствïемъ искать для себя новой скуки.

Я былъ пятнатцать лѣтъ во отдаленïи отъ моего отечества, претерпѣлъ вдругъ множество ружейныхъ выстрѣловъ, перенесъ довольво несправедливостей, и поѣхалъ наконецъ въ новопоселенныя мѣста въ чинѣ генерала поручика.

Я оставляю стихотворцамъ и Гасконцамъ описывать претерпѣваемыя ими вихри, бури, и разныя жестокïя приключенïи, и скажу о себѣ, что прïѣхалъ я туда безъ всякаго препятствïя. по Прïздѣ моемъ все тамъ было тихо, и пребыванïе мое въ Индïи, походи-

ло болѣе на утѣшительное путешествіе, нежели на военную комиссію; потомъ, не имѣя тамъ болше никакого дѣла, сбъѣхалъ я разныя королевствы, раздѣляющія сіе обширное государство, и остановился въ Голкондѣ; сіе королество почиталося тогда наицвѣтущимъ во всей Азіи. Народъ тамъ былъ щастливъ подъ правленіемъ одной женщины, которая владѣла королемъ красотою своею, и управляла королевствомъ своимъ разумомъ; государственныя и народныя сокровищи равномѣрно ею были сохраняемы; крестьянинъ не для кого другаго какъ самъ для себя удобрялъ землю свою, что рѣдко гдѣ бываетъ; и казнахранители не ползовалися сами государствен-

ственными прибытками, что еще рѣже гдѣ найтить можно. Города тамъ украшены были великолѣпными зданіями, и будучи еще прекраснѣе собранными въ нихъ утѣхами, наполнены были щастливыми гражданами, славящимися блаженною своею жизнію. деревенскія жители удерживаемы были въ городахъ изобиліемъ и вольностію тамъ царствующими, и почестію, кое правленіе чинило земледѣлію. Я пріѣхалъ ко двору Короля Голкондскаго, и принятъ тамъ былъ со всевозможною учтивостію. Я скоро имѣлъ публичную Аудіенцію у Короля, а потомъ у королевы, которая тотчасъ увидя меня, опустила на лицѣ своемъ покры-

вало; Я очень дивился такому ея прїему, хотя въ прот чемъ принятъ я былъ очень хорошо, и не имѣлъ ни въ чемъ притчины жаловаться, кромѣ того, что не видалъ лица ея, которое съ великою нетерпѣливостїю желалъ я видѣть, какъ для того, что объ немъ слышалъ я великїя похвалы, такъ и для того, что все, что принадлежитъ такой великой королевѣ, обыкновенно съ жадностїю любопытствуютъ видѣть.

По возвращенїи моемъ въ домъ мой, нашолъ я у себя одного офицера, которой предлагалъ мнѣ, чтобъ назавтрѣ показать мнѣ сады и звѣринецъ окружающїя дворецъ королевской, и я охотно на то согла-

сился

сился. По утру встали мы очень
рано, и онъ провелъ меня чрезъ
великолѣпныя аллеи въ одну ча
стую рощицу, въ которой мир-
товыя, акацевыя и померанцо-
выя деревья, сплетаяся между
собою вѣтвями, испускали отъ
себя прїятный запахъ; у одно-
го изъ сихъ деревьевъ нашли
мы привязанную лошадь; Про-
проводникъ мой проворно на нея
вскочилъ, и затрубивъ въ тру
бу, каторая за плечами у него
висѣла, вдругъ отъ меня уда-
лился, оставя меня одного въ
рощѣ. Я слѣдовалъ прямо по
дорогѣ, въ великомъ будучи
удивленїи о поступкѣ того офи-
цера. Я не могъ понять, чтобъ
было гдѣ такое обыкновенїе,
что бъ иностранныхъ людей
ведши прогуливатся, такъ въ
не

незнакомыхъ мѣстахъ оставляли. Но какое жъ было мое удивленіе, какъ пришедъ ко краю рощи, вдругъ увидѣлъ я себя на такомъ мѣстѣ, которое совершенно было похоже на то, гдѣ въ первои разъ узналъ я любовь, и прекрасную Алину! Тутъ былъ тотъ же самой лугъ, такія же при горки, такая же долина, та же деревня, такой же ручей, и такая же тропинка, не до ставало только одной прекра сной молошницы; но и ее я такъ же увидѣлъ, въ такомъ же платьѣ, въ какомъ была тогда Алина, и держащую въ рукахъ такой же горшокъ съ мо локомъ. Не сонъ ли ето? вскричалъ я, не обвороженъ ли я? не пустая ли тѣнь мѣчтает

чтается глазамъ моимъ? Нѣтъ, говорила она мнѣ, ты видишь не сонъ, и не обвороженъ, ты скоро увѣришся, что я не тѣнь, а сама Алина, которая узнавъ тебя вчерась, захотѣла показаться тебѣ въ такомъ образѣ, въ которомъ въ первой разъ ты полюбилъ ее. Она пришла сюда прохлаждаться здѣсь съ тобою сладчайшимъ утѣшенїемъ, и взявъ въ руки свои горшокъ съ молокомъ пред почесть его тяжести короны ты учинилъ для нее состоянїе молошницыно прїятнѣя королевскаго. Тутъ позабылъ я совсѣмъ о королевѣ Голкондской, а видѣлъ только предъ собою любезную свою Алину. мы были съ нею на единѣ, и я прїобрѣлъ паки прежнюю мою моло-

молодость, и съ Алиною поступолъ такъ какъ бы и Она была въ прежней же своей юности.

Послѣ сего пріятнаго свиданія Алина надѣла на себя платье королевское, которое вѣрная ея невольница слѣдующая за нею принесла ей. Мы вошли съ нею во дворецъ, гдѣ увидѣлъ я ее принимающую своихъ придворныхъ, съ такою пріятною благосклонностію, которая всѣхъ приближающихся къ ней возхищала; на однихъ бросала она милостивые взоры свои, съ другими разговаривала, и на всѣхъ обращалась съ пріятною усмѣшкою; однимъ словомъ, она имѣла видъ обладательницы всего свѣта и не казалася быть ихъ королевою. По-

Послѣ обѣда за которымъ всѣ придворныя съ нею вмѣстѣ обѣдали, повела она меня во особливую залу, гдѣ посадя подлѣ себя разказывала мнѣ такимъ образомъ послѣдния свои приключенїи.

Маркизъ Кастелмонъ, говорила она, убитъ былъ на дуели, три мѣсяца спустя послѣ твоего отъѣзду; онъ оставилъ меня вдовою въ печали, но сорокъ тысячь таллеровъ годоваго доходу, въ печали подавали мнѣ всѣ утѣшенїе. Нѣкоторая часть имѣнїя моего была въ Сицилїи, и требовала, какъ говорили мнѣ, моего тамъ присудствїя; я съ радостїю моремъ пустилася въ сїе путешествїе; но противной вѣтръ принудилъ судно

мое пристать къ отдаленному берегу, гдѣ одинъ непрїятельской корабль судно мое взялъ, и увезъ его съ собою; Сей корабль былъ Турецкой и управляющей имъ капитанъ, хотя ко всемъ вообще былъ суровъ, но для меня столько былъ добръ, сколко отъ Турка требовать было можно; онъ возилъ меня въ Алжиръ, а оттудова въ Александрїю; гдѣ посаженъ онъ былъ на колъ, а я въ числѣ невольницъ его, совсѣмъ его богатствомъ была продана, и досталася одному Индейскому купцу, которой привезъ меня сюда и обучалъ здѣшнему языку, въ коемъ въ короткое время великой успѣхъ я получила; я привычку имѣла къ бѣдности, но

ни

никогда не привыкала къ нещастїю, и потому не могла сносить невольничества; я ушла отъ господина моего, и куда шла сама того не знала, какъ нечаянно встрѣтилася съ евнухами, которые примѣтя во мнѣ красоту лица, отвели меня къ королю. Тщетно просила я у нихъ пощады добродѣтели моей; не смотря ни на что заключена я была въ сераль, и на другой день ото всѣхъ окружающихъ меня почтена была любимою королѣвскою султаншею, которою король чрезъ одну ночь меня удостоилъ; вскорѣ потомъ страсть королѣвская ко мнѣ здѣлалася не ограниченна, и власть моя во всемъ королевствѣ чрезвычайно усилилась.

Голкондаская область, привыкшая дѣлать послушаніе повелѣніямъ моимъ изъ в утрен ости сераля отъ меня посылаемымъ, без удивленія увидѣла меня супругою государя своего, котор ой уже съ давняго времяни былъ весь во власти мо й. Живши въ маленкомъ моемъ дворцѣ, вспомнила я о той деревнѣ, въ коей сохраняла я мою невинность, а особливо представлялася мнѣ та пріятная Долина въ которой я сей невинности моей лишилась. Я пожелал начертать въ главахъ моихъ утѣшителной видъ первыхъ лѣтъ моихъ, и прежнихъ моихъ услажденіевъ я приказала построить ту хи жину, которую ты внутри звѣринца моего видѣлъ, и сіе

мѣс-

мѣсто названо отъ меня древнимъ моимъ отечествомъ; со всѣми жителями здѣсь поступаю я такъ какъ съ моими друзьями и родственниками; повсягодно выдаю я замужъ дочерей ихъ, и часто случается что старѣйшихъ изъ нихъ сажаю я съ собою за столъ, дабы тѣмъ представить себѣ образъ стараго моего отца, и бѣдной моей матери, къ которымъ я еще бы и нынѣ почтенiе мое сохраняла ежели бы они при мнѣ были зеленая трава на лугу, ни кѣмъ не бываетъ потоптана, кромѣ какъ когда пляшутъ на немъ молодыя мальчики и дѣвочки живущiя въ той хижинѣ; покуда я буду жива, никогда не будутъ срублены сiи дражайшiя деревья,

представляющія собою подобіе тѣхъ, кои тѣнію своею прикрывали тогдашнія любовныя наши утѣхи, и крестьянское платье мое, вмѣстѣ съ королевскою одеждою сохраняемое не престаетъ и среди самаго окружающаго меня блеска, воспоминать мнѣ прежнюю мою бѣдность, оно принуждаетъ меня почитать то состояніе, въ коемъ я была прежде, менѣе презираемымъ, нежели то, на которое послѣ того я возвышена; оно повелѣваетъ мнѣ чтить вездѣ человѣчество, и научаетъ съ добродѣтеліею царствовать.

О обожаемая принцеса голкондская! она была вдругъ и разумною королевою и добродѣтельнымъ государемъ, и хорошею

шею женщиною и премудрымъ филозоф мъ. Но увы! я пробылъ съ нею только двѣ недѣли; по прошествїи коихъ нечаянно засталъ меня у ней самъ король, и я принужденъ былъ бѣжать изъ королевства его, выскочивъ въ окно изъ спальни королевиной: Вскорѣ послѣ того поѣхалъ я опять во францїю. Тамъ достигалъ я до знатнѣйшихъ чиновъ, и претерпѣвалъ послѣ многїя превратности, но ни того ни другаго однакожъ не будучи достоенъ, потомъ скитался я по всѣмъ странамъ свѣта, потерявъ щастїе и надежду, и наконецъ встрѣтился я съ вами въ сей пустынѣ, гдѣ намѣряюсь я основать мое жилище, ибо нахожу здѣсь вдругъ,

и спокойное уединенїе, и прїятное сообщество.

Читатель мой до сихъ поръ можетъ быть думалъ, что я ему разказывалъ сїю исторїю: но какъ онъ меня объ ней не просилъ, то и не прогнѣвается на меня, что разказывалъ я ее одной старушкѣ, покрытой вмѣсто всей одежды Палмовыми листьями и изъ давна уже живущей въ той пустынѣ, въ которую я удалился; она просила меня, чтобъ расказалъ я ей мои приключенїи. Они могли навести скуку читателю, но старухою слушаемы были со особливымъ вниманїемъ, и она ни одного слова изъ нихъ не пропустила. Потомъ, какъ я ихъ окончилъ, то она мнѣ сказала:

въ исторїи вашей больше всего нравится мнѣ то, что вы ни одного слова не сказали въ ней несправедливо; почему вы ето знаете, говорилъ я ей? Можетъ быть я всее ее расказывалъ ложно. Нѣтъ, я очень увѣрена, что вы все говорили справедливо, сказала она; развѣ вы, сударыня, знаете нѣсколько волшебства? спрашивалъ я у ней; не совсѣмъ, отвѣтствовала она мнѣ, но у меня есть кольцо, которое доказываетъ справедливость всѣхъ рѣчей вашихъ; я не знаю, говорилъ я ей, какоебъ то было кольцо, имѣющее такую силу, развѣ кольцо Соломоново? А вы уже и позабыли о кольцѣ Алининомъ, сказала она усмѣхнувшись, и по-

показавъ мнѣ свою руку? Я та самая Алина, продолжала она, которая чрезъ тебя всходила на престолъ Голкондской, и тобою паки съ него была свержена, и которая будучи выгнана изъ Голконды, и скитаясь по всѣмъ странамъ, пришла наконецъ въ сіи отдаленныя мѣста, и нашла здѣсь себѣ убѣжище отъ ярости мужа своего, отъ котораго ты ушолъ выпрыгнувъ въ окошко.

Какъ! я опять тебя нашолъ, вскричалъ я? Но я уже долженъ быть оченъ старъ, ибо какъ помнится мнѣ я однимъ годомъ тебя старѣ, а кажется не возможно уже быть старѣя лица твоего. Перестанемъ говорить, сказала она мнѣ важнымъ голосомъ, о лѣтахъ

и

и о образѣ нашемъ! прежде были мы молоди и прекрасны, а теперь почтимся быть премудрыми, и тѣмъ здѣлаемся мы щастливѣя. Будучи въ тѣхъ лѣтахъ, въ коихъ любовь нами обладала, мы суетно расточали время наше, вмѣсто того что бы съ пользою имъ наслаждаться; а теперь, достигнувъ до такихъ лѣтъ, когда обладаетъ нами дружество, будемъ наслаждаться настоящимъ времянемъ не сожалѣя о прошедшемъ. Для утѣхи нашей въ молодости, опредѣлены самыя кратчайшія минуты, а вся жизнь наша посвящается для снисканія утѣхи вѣчныя: первая подобна каплѣ воды, а другая твердому алмазу; хотя обѣ сіи ве-

щи сїяютъ равнымъ блескомъ, но первая и отъ самомалѣйшаго дуновенїя изчезаетъ, а другой наитвердѣйщей стали противится; первая занимаетъ блескъ свой отъ свѣта, а другой во внутренности своей собственное блистанїе свое имѣетъ, и въ самой темнотѣ сїянїе свое простираетъ: и такъ все погубляетъ суетную утѣху, но ничто не премѣняетъ вѣчнаго блаженства.

Потомъ повела она меня на высокую гору, покрытую разныхъ родовъ плодоносными деревьями. Съ вершины сея горы стекалъ изъ чистой воды ручей, которой проходя многими излучинами, наполнялъ водою своею озеро, при входѣ одного грота, въ низу горы высѣ-

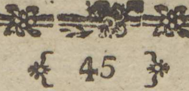
высѣченнаго. Посмотри, говорила она мнѣ, довольно ли сего будетъ для твоего утѣшенія? Вотъ здѣсь мое жилище, которое быть можетъ и твоимъ пребываніемъ, буде ты того захочешъ; сія земля ожидаетъ отъ тебя слабаго себѣ удобренія, дабы со изобиліемъ наградить тебя, за тѣ старанія, кои ты объ ней прилагать будешъ, а сія прозрачная вода призываетъ тебя для почерпанія. съ верху сея горы око твое можетъ обозрѣвать вдругъ многія государствы; взойди на нее, ты тамъ ощущать будешь самой чистой и здоровой воздухъ; тамъ будешь ты далѣ отъ земли, но ближе къ небесамъ; разсмотри оттудова то,

чего

чего ты съ молодостїю своею лишился, и скажи мнѣ послѣ, пожелаешъ ли ты всѣми тѣми суетными утѣхами паки наслаждаться.

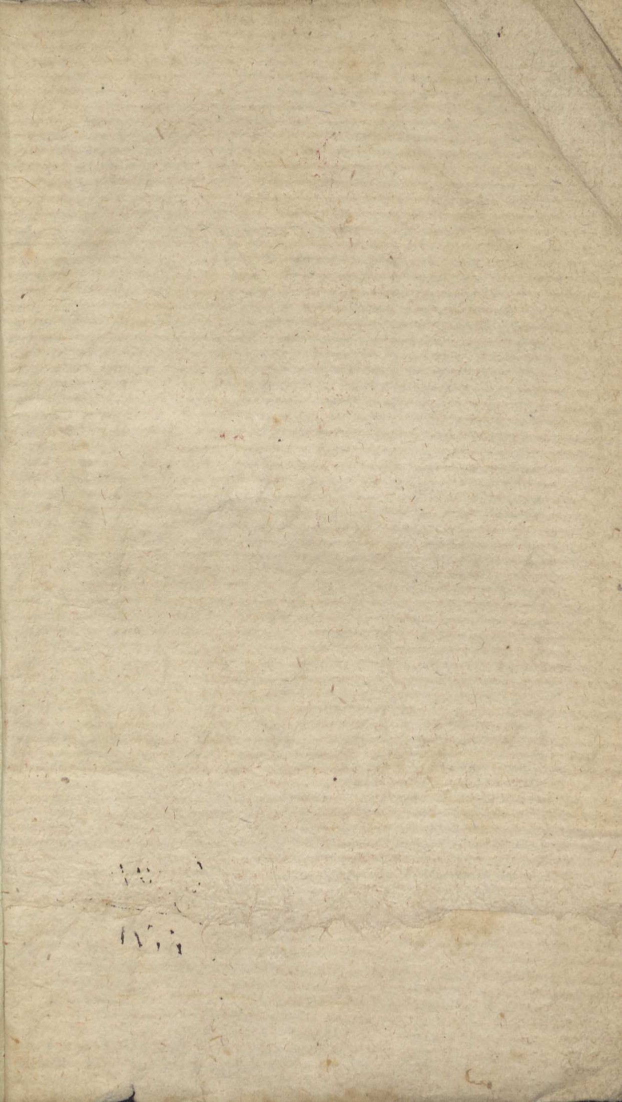
Я упалъ къ ногамъ божественныя Алины, наполненъ будучи къ ней почтенїя, а къ себѣ презрѣнїя; съ того времени начали мы другъ друга любить больше прежняго, и одинъ для другаго занимали мѣсто всея вселенныя; я препроводилъ тутъ многїя сладчайшїя лѣты съ симъ премудрымъ моимъ товарищемъ, и оставилъ всѣ глупыя страсти свои и предразсудки, въ томъ непостоянномъ свѣтѣ, отъ котораго я удалился. Руки мои здѣлалися трудолюбивѣя, ра-

разумъ проницательнѣя, а сердце чувствительнѣя. Алина приучила меня находить въ легкомъ трудѣ мое утѣшенїе, и питать себя сладостными размышленїями, и нѣжными чувствами; и такъ теперь только, при самомъ уже концѣ дней моихъ, я вновь жить началъ.

КОНЕЦЪ.

18.276.3.382
29 b.